

Хмельницького. Його твір побудований на використанні праць М. Костомарова, М. Маркевича, П. Куліша, В. Антоновича, літописних та актових матеріалів як українського, так і польського походження. Вперше він був надрукований у часописі «Киевская старина» за березень і травень 1887 р.

З історичною розвідкою К. Шайнохи «Домна-Розанда» російський читач уперше ознайомився у 1881 р., коли в перекладі на його рідну мову П було опубліковано Ф. Неслуховським у шостій книжці журналу «Русская мысль». При написанні цієї праці автор широко використав документальний матеріал з польських архівосховищ, збірки друкованих джерел, праці Е. Котлубая, В. Каховського й інших польських істориків, повідомлення тогочасної європейської преси тощо.

Погоджуючись з думкою Ф. Неслуховського, що «при подвійному світлі» яскравіше побачимо істину»¹⁸, ми вирішили здійснити паралельне перевидання уривків із зазначених вище оповідань українського і польського істориків. Сподіваємося, що це дасть змогу сучасному читачеві не тільки краще ознайомитися з однією з цікавих сторінок вітчизняної історії, але й уявити специфіку творчої майстерні представників української та польської історіографічних шкіл, зробити власний порівняльний аналіз відтворюваних авторами подій. При цьому, щоб не переобвантажувати текст, були зняті авторські ремарки та коментарі, а також посилання, як невідповідні сьогоднішнім нормам бібліографічного опису. Сам текст оповідань упорядковано за сучасними орфографічними нормами правопису.

С. Венгрженовасой

Свадьба Тимоша Хмельницкого

[Эпизод из истории малорусско-молдавских отношений]

Старший сын славного гетмана Богдана Хмельницкого Тимофей, по летописному и народному названию Тимош, был любимцем отца и всего украинского казачества. Он обладал недюжинными способностями, воспитался в лучшей тогда военной школе — Запорожье, явил немало опытов исполнительности и распорядительности, храбрости и отваги, ума и твердой воли. На него возлагались большие надежды; он был правой рукой отца и, не умри так не вовремя, мог бы иметь решающее влияние на положение придунайских княжеств, с судьбою которых дальновидный политик того времени, его отец, хотел связать его судьбу. Живи он дольше, кто знает, иначе, быть может, сложилась бы тогда история самой Украины. Само сватовство Тимофея, встречавшее так много перепон, его женитьба, недолгая брачная жизнь и трагическая смерть — все это влечет к себе любопытство и представляет немалый интерес. Мы тем охотнее избираем эти события для нашего рассказа, что в них ярко отразилось тогдашнее политическое положение Малороссии и ее отношение к соседям вообще, в частности, к княжествам дунайским — Молдавии и Валахии.

Для ясности дела представим прежде в общих чертах положение тогдашней Молдавии, ее князя, будущего свата Богданова, с семейством и самого Тимоша, героя рассказа. Предваряю, что сведения о Тимоше я беру у польских авторов, которые вообще неблагоприятно относятся к любимцу «батяка Богдана» и украинского народа и не скупятся на темные краски, но зато дают массу подробностей, которых не находим в источниках южнорусских и без которых невозможно было бы полное освещение событий и лиц того далекого времени.

В первой половине XVII века Молдавия представляла собою тип славянского государства с примесью византийско-болгарских форм, но с преобла-

дающим складом и характером этого племени: сверху стояло боярство, большей частью выходцы из Галиции, Польши, Болгарии и Венгрии; за ними следовали свободные сословия: магилы, земляне¹⁹. И вообще поспольство земли молдавской с огромным процентом поселенцев славянского происхождения, рассеянных в массе потомков древних даков; торговое сословие составляли жида и армяне, а внизу этой социальной лестницы стояли бесправные цыгане. Господствующий язык страны был славянский: на нем писали, молились и говорили.

Поляки и казаки хозяйничали в Молдавии, как у себя дома, и ничего нет удивительного, что они дали разростись в ней так буйно славянским элементам. Что бы ни говорили румынские историки, будто их Румыния никогда не была славянской землей, а факты говорят противное. Если до турецкого владычества ее заселяли дако-команы, то во время нашествия мусульман значительная часть их выселилась в Карпаты, а другая — в Балканы. В свободные места постепенно сходились славяне, и хотя южные степи отданы были турками татарам, но и здесь запорожцы владели Оргезвским и Лопушнянским (теперешним Кишиневским, приблизительно) цинугами²⁰ на таком же положении, как и приднепровскими степями. Можно даже думать, что они имели здесь свои паланки, так как и теперь в Оргезвском уезде, близ Гиржавского монастыря, есть деревня, которая называется «Паланкой», а ее жители — чистокровные украинцы, сохранившие все отличительные черты своего племени, несмотря на окружающее их сплошное молдавское население, не сумевшее их ассимилировать.

Религиозная связь Молдавии с Украиной была так же тесна, как и национальная. Молдавия всегда была страной православной и даже долго была в зависимости в церковном отношении от галицких митрополитов. Львов не только печатал богослужебные книги для Молдавии, но даже лил колокола, писал иконы и пр., а Молдавия, в свою очередь, оплачивая за услуги соседу, обучала пению молодых людей, готовящихся быть дьячками на Руси и Украине.

Не только молдаване, но и их господа принимали самое деятельное участие в знаменитом Львовском ставропигиальном братстве. Могилы, несмотря на свое родство с аристократическими домами в Польше и Украине, вписывались также в число членов Львовского братства. Одним словом, связь между Молдавией и Польшей, точнее, русскою частью последней, была самая тесная и близкая.

Но эта связь и видимое преобладание в стране славянского элемента и симпатий были не по вкусу Турции; с другой стороны, они шли вразрез с пробуждавшимся движением коренного румынского населения. Движение это увеличилось с тех пор, как выселившиеся некогда румыны, жившие в Карпатах под именем мультаян, а на Балканах — куцовлахов, теснимые трансильванским князем Георгием Ракоци, который старался навязать им кальвиново учение и для скорейшего успеха своего намерения приказал перевести на их язык священное писание и протестантский катехизис, снова стали спускаться с гор в гостеприимное княжество, где их встречали с распростертыми объятиями. В жизни Молдавии происходили кризисы: внутри шла племенная борьба, решался вопрос о том, возьмет ли перевес славянский элемент или румынский; извне совершалась перемена в порядке получения страныю князей и усиления ее вассальной подчиненности. Раньше Турция снисходительно смотрела на заигрывания молдавских князей с соседними государствами и сохраняла автономию страны; но после того как молдавское господарство стало замещаться всевозможными авантюристами, которых сажали на престол польская шляхта и казаки, наскучив частою их сменою и встречая между ними непокорных, война с которыми обходилась дороже получаемого с княжества гарача²¹, она уже не ограничивалась утверждением избранного боярами князя, но стала просто назначать князей в Молдавию, выбирая в это звание людей, которые вели бы ее политику, — большей частью из эфирцев, албанцев и греков. При таких-то обстоятельст-

вах и из числа таких избранных Турции на молдавском господарстве является будущий тесть Тимоша Хмельницкого — Василий Лупул.

Албанец, а, может быть, и арнаут или, как иные думают, серб либо сербо-албанец из Эпира, Василий Лупул, попав в Молдавию, умом, ловкостью и изворотливостью из невидного положения достиг высоких степеней в княжестве. Став «вистерником», или министром финансов, при государе Грациани, он угодил в тюрьму по подозрению в тайных сношениях с турецким правительством и погиб бы бесследно, если бы не гибель самого Гаспара под Цецорой. Благополучно он пережил также все последующие княжения: Александра Илии, Стефана Тимисевича, или Томши, Радо, Мирона Берновского, Александра Радо, опять Александра Илии, опять Мирона Берновского и, наконец, Моисея Могилы, хотя интриговал беспрестанно. Против Александра Илии он поднял знамя восстания, воспользовавшись народным неудовольствием против князя за то, что тот навел с собою греков и вводит в княжестве греческие порядки, и Александр Илиа лишился престола. Мирона Берновского Лупул оклеветал перед султаном, и бедный князь сложил свою голову в Константинополе. К новому господарю Моисею Могиле, родному брату киевского митрополита Петра, он вкрался в такое доверие, что тот дал ему звание великого дворника (генерал-губернатора) и послал в Константинополь хлопотать по своим делам. Но великий дворник так ловко повел дело в Константинополе, что вернулся домой воеводою и господарем земли молдавской. Достигнув края своих желаний, Лупул стал хлопотать о Валашском княжестве для своего сына. Но тут встретил не менее ловкого и сильного соперника в лице готового князя Матвея Бессараба. Ни дружба со Стамбулом, ни деньги, рассыпанные там, ни сети, ловко расставляемые противнику, ничто не помогало: Бессараб с равной ловкостью избегал расставляемых ему сетей и даже формальное предложение Порты очистить престол умел обойти. Чтобы подслужиться Турции и погубить своего соперника, Лупул помог туркам взять крепость Азов, которою овладели было казаки, и убедил Порту вызвать туда же как бы на помощь Бессараба, дабы там с ее же согласия расправиться с ним, как с ослушником султанской воли. Но Бессараб, предчувствуя грозу, не явился и тем расстроил весь план Лупула. Последнему оставалось добиваться своей цели новой услугой перед Портой, а такой услугой могло быть прежде и более всего ослабление славянского элемента в княжестве, всегда столь опасного для прочного владычества здесь турок. И вот Лупул принялся за расторжение той связи между молдаванами, поляками и казаками, которая существовала до него. «Новая история наша, — восклицает один румынский историк, — началась не со взятия Константинополя, а со времени штурма, данного церковнославянскому языку, и со времени, когда мы начали учиться по-романски. Наша новая история начинается с момента, когда Матвей Бессараб в преклонном уже возрасте сделался выражением романского народа, когда Василий Лупул в цвете лет стал выражением другой независимой части румынской нации и когда оба эти великие воеводы, которых султан послал сюда царствовать над румынами, стали соперничать друг с другом на поприще интеллектуальной культуры».

Угождая Турции, не пощадил Лупул и церковной зависимости Молдавии от славянских иерархов. Известно, что молдавская церковь вначале зависела от галицких митрополитов, а потом — от охридского архиепископа, именовавшего себя болгарским патриархом. Турция давно стремилась к тому, чтобы подчинить молдавскую церковь константинопольскому патриарху, но до сих пор это как-то не удавалось. Лупул провел эту меру и по особым еще личным соображениям. Ему вздумалось жениться на черкешенке-мусульманке: православный народ поднял ропот против своего князя за эту женитьбу, турки в свою очередь смотрели неблагоприятно на этот брак, потому что правоверная мусульманка должна была быть женой гяура, местная же иерархия отказывала в признании законности брака. Лупул придумал в высшей степени искусную сделку: подчинясь константинопольскому патриарху, он получил от него разрешение на брак и тем заставил

умолкнуть ропот у себя дома, а разорвав последнюю нить, связывавшую Молдавию с славянством, он тем самым примирял султана с своей женитьбой. Помимо этого, за право женитьбы на мусульманке он дал султану «бакшиш» 50000 реалов и 280 кошельков патриарху за церковное разрешение на этот брак.

С подчинением молдавской церкви константинопольскому патриарху и язык в богослужении стал употребляться румынский. Но так как других богослужбных книг на румынском языке не было, кроме тех, которые принесли румыны из Трансильвании, то книги эти, несмотря на то, что были проникнуты кальвиновым учением, были введены в общее употребление, хотя против этого протестовал сочавский митрополит Варлаам.

С тех пор славянский поселенец княжества, лишенный прав, обездоленный, должен был скрывать свою национальность и выдавать себя за румына, чтобы иметь право пользоваться теми преимуществами, какие получил последний, хотя сам обладал, несомненно, более высокой культурой. Впрочем, официальным государственным языком в Молдавии до XVIII ст. оставался все еще язык славянский, пока князья-фанариоты²² не заменили его греческим.

Молдавские историки первые годы княжения Лупула считают счастливым временем для Молдавии и утверждают, что благодаря миру земля стала населяться и благосостояние страны увеличиваться; но они же говорят об огромных податях и налогах, и несметных сокровищах, которые скопил себе этот господарь.

И счастливые времена в Молдавии при Лупуле сомнительны, потому что тот же архидиакон Алеппский, похваляя набожность Василия, не оставляет без замечания, что благочестивый и христоролюбивый воевода в свое царствование казнил лютыми муками до четырнадцати тысяч человек.

Борьба Лупула с Бессарабом не прекращалась. Усердная служба его султану не дала ожидаемых результатов: Матвей Бессараб сидел прочно на своем месте и не думал уступать одного наследнику Василия. Тогда последний, по примеру своих предшественников, обратил свои взоры на Польшу, ожидая от нее помощи. В союзе с Москвой и другими Польша готовилась в то время к крестовому походу против Турции; король выдал запорожцам деньги на постройку чаек, нужных для этого похода. В столь рискованном деле важен был союз и молдавского господаря, а он имел свои виды и, чтобы вернее заручиться помощью Польши, решил выдать старшую свою дочь Елену за Януша Радзивилла, литовского гетмана. Три года уже Радзивилл добивался руки дочери Лупула, но тогда Лупул еще не решался на это из опасения Турции, которая была так подозрительна к бракам членов господарского семейства с польскими магнатами; ходили притом слухи, будто сам московский царь желает просить руки богатой княгини. Но Бессараб не давал покоя Лупулу, надежд на Турцию не было, а московский царь не слал сватов, и Лупул, стремясь сблизиться с Польшею, в январе 1644 г. дал согласие на брак своей дочери с Радзивиллом. Свадьба была очень пышная. Жених явился с двумя тысячами свиты, господарь встретил его за десять верст от Ясс, а при въезде жениха в Яссы велел палить из пушек. Торжество длилось две недели: вначале сам митрополит киевский Петр Могила в церкви Трех Святителей, встреченный с великими почестями и пробывший здесь семь дней.

Отпраздновав так пышно свадьбу своей дочери, Лупул под влиянием своего зятя решил прекратить мир с турками; но бояре воспротивились этому, и он согласился подождать, пока поляки перейдут Дунай. В это именно время вспыхнуло в Малороссии всеобщее народное восстание; Польше было уже не до войны с Турцией. Решение бояр спасло Молдавию от страшной беды, грозившей ей со стороны Турции; но на политическую арену в ближайшем соседстве с Лупулом выступил другой могучий деятель, с которым ему надо было так или иначе ладить. То был грозный казацкий гетман Зиновий Михайлович Богдан Хмельницкий, переворачивавший вверх дном всю Польшу.

Теперь Лупул попал в очень неловкое положение: на Турцию рассчитывать было нельзя, а скорее можно было опасаться ее, потому что она сильно подозревала его; надежды на Польшу тоже рушились, потому что восстания Украины совсем ее ослабили, и она сама еле дышала. Что оставалось Лупулу, скомпрометировавшему себя перед Турцией и лишившемуся надежды на помощь своего нового друга — Польши, как не броситься в объятия Богдана Хмельницкого, военная слава которого достигла теперь своего зенита? Г. Накко так рассказывает о сближении Лупула с Хмельником: «Во время своего похода (под Львов и Збарж) к Хмельницкому прибыли послы Василия Лупула с просьбой помочь ему против Матвея Бессараба. Хмельницкий уклонился, однако, от вмешательства в дела княжества из опасения вооружить против себя Турцию. Когда же Лупул представил Хмельницкому требуемое им разрешение Порты, то он послал в Молдавию сына своего Тимофея, с помощью которого Лупул взял верх над своими противниками. Во время бытности своей в Молдавии Тимофей страстно влюбился в дочь Василия Лупула — Розанду и требовал ее руки, но получил отказ под предлогом, что султан будет недоволен этим браком».

Познакомлю теперь читателя с женихом. Польские историки аттестуют его юношей диким, неотесанным, без знания света и обычаев, «лотриком»²³ с дурным характером. Вслед за ними и малорусские летописцы не лучше отзываются о нем. Самуил Величко говорит: «Обыдва сына Хмельницкого, Тимош и Юрий, были палеводы²⁴ своевольные».

Что Тимош не был салонным кавалером, против этого не спорю; я даже допускаю, что он любил в товариществе выпить и с врагом не любил церемониться; но это было в обычае того времени. Разве польские военачальники и вообще паны в этом отношении были лучше его? Сам гетман Н. Потоцкий, по сведениям польских писателей, разве не был и пьяницей, и жестоким человеком? Нет ничего удивительного, что у Тимоша не было знания света и обычаев с точки зрения польских панов. Ведь его еще в самой ранней молодости отец взял на Запорожье, а там ценилось другое знание света и обычаев:

В нас у Січі то й норов, хто отче наш знає,
Як умився, вставши вранці, то чарки шукає,
Чи чарка то, чи ковш буде, не глядить переміни;
Гладко п'ють, як з лука б'ють, до нічної тіні.

Из Запорожья Тимош переехал в Крым, в столицу хана, в среду, совсем неблагоприятную для приобретения светских приличий; потом лагерная жизнь до самой смерти... Где и от кого он мог приобрести знание света и обычаев? Наконец, его называют дураком, лотриком и «паливодой». Что он не был дурак, это лишнее было бы доказывать; достаточно сослаться на тот факт, что, будь он глуп, Хмельницкий не поручил бы ему, крайне юному, такого щекотливого и важного поручения, как разведывание новостей в ханской столице и расположение к союзу с отцом его не только крымцев, но и Порты, что Тимош выполнил блистательно. Укажем и другой факт: не его ли распорядительностью и энергией держалась Сочава? Припомните, что Сочава сдалась только после смерти Тимоша. Что он был «парубок моторный и хоч куды козак», это мы видим из трех его молдавских походов; но чтоб он был лотриком и паливодой, этому мы нигде не встречаем подтверждения. А уж будьте уверены, что если бы он был таким, современные польские известия нагромодили бы целую кучу обвиняющих фактов; между тем они оставили только два таких факта: будто Тимош обжег бороду монаху и повесил мачеху. О первом не спорим — то могли быть «жарты» казацкие под пьяную руку; но второй факт до сих пор возбуждает сомнения. И вообще, мог ли бы Тимош быть таким популярным и любимым среди казачества, если бы он был «лотрик»; а отец доверил ли бы лотрику, хоть и сыну, исполнение поручений высокой важности? Мне думается, что он скорее был несчастен, чем «паливода» и «лотрик», что, как говорится, сама злодейка

судьба була против него. В самом деле, сколько энергии и труда он потратил, пока добился руки любимой женщины!.. И что ж? Даже добившись заветной мечты, долго ли он наслаждался своим счастьем? Но не буду забегать вперед.

(Далі буде)

- ¹ Костомаров Н. И. Гетманство Юрия Хмельницкого // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. — СПб., 1872. — Т. 12.
- ² Герасимчук В. Виговський і Юрій Хмельницький // Записки Наук. Товариства ім. Шевченка. — Львів, 1904. — Т. 59 — 60.
- ³ Мицик Ю. Юрій Хмельницький // Володарі гетьманської булави. — К., 1994. — С. 237 — 252.
- ⁴ Рогова О. Тиміш Хмельницький: Исторична повість. — К., 1918.
- ⁵ Каптеcki K. Zywoť Karola Szajnochy // Szajnocha K. Dzieła. — Т. X. — Warszawa, 1878. — S. 242.
- ⁶ Ibid. — S. 271.
- ⁷ Ibid. — S. 243.
- ⁸ Ibid. — S. 307.
- ⁹ Шайноха К. Ядвига и Ягайло. — СПб., 1880 — 1882. — Т. 1 — 2.
- ¹⁰ ЦНБ НАН України. IP. — Ф. X, № 5834.
- ¹¹ Там же. — Ф. X, № 6377.
- ¹² Венгрженовский С. Исторический очерк унии. Административные и судебные власти в церкви униатской. Акты административные, судебные и нотариальные // Труды для историко-статистического описания Подольской епархии. — Каменец-Подольский, 1887. — Вып. 3. — 422 с; Венгрженовский С. Материалы для истории унии в бывшем Брацлавском воеводстве во второй половине XVIII в.: Передмова і короткий зміст актів // Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. — Каменец-Подольский, 1890 — 1891. — Вып. 5. — С. I — XXI; 1 — 206.
- ¹³ Венгрженовский С. Языческий быт в Брацлавщине «гонимы шуляка»: Этнографический этюд // Киевская старина. — 1895. — № 9; Венгрженовский С. Из моей записной книжки: 1) Молитва; 2) Легенда «Политическая сатира» // Там же. — 1892. — № 12.
- ¹⁴ Венгрженовский С. Сахарометрия в винокурном производстве из патоки. — Одесса, 1894; Венгрженовский С. Рабочие волю в Брацлавщине и их номенклатура // Киевская старина. — 1898. — № 7 — 8; та ін.
- ¹⁵ Венгрженовский С. Судьба красавицы (София Глявоне Витте-Потоцкая) // Киевская старина. — 1887. — № 1; Венгрженовский С. Игнатий граф Сцибор-Мяроцкий (историко-бытовой этюд) // Одесский вестник. — 1888. — № 228 — 231; Венгрженовский С. Авантюра XVI века (из истории Молдавского княжества) // Киевская старина. — 1893. — № 6, 7; та ін.
- ¹⁶ Див: Крип'якевич І. П. Богдан Хмельницький. — Львів, 1990. — С. 153 — 154.
- ¹⁷ Венгрженовский С. Свадьба Тимоша Хмельницкого // Киевская старина. — 1887. — № 3. — С. 469.
- ¹⁸ Русская мысль. — 1881. — Т. 2. — Кн. 6. — С. 231.
- ¹⁹ Соціальні прошарки в шляхетському стані.
- ²⁰ Одиниця адміністративно-територіального поділу.
- ²¹ Форма грошового податку.
- ²² Представники грецького духівництва і торгово-грошової аристократії, яким належали особливі привілеї в Османській імперії XVIII — першій половині XIX ст., зокрема, монополія на заміщення високих посад (в т. ч. господарів Молдови і Волощини) в турецькій адміністрації.
- ²³ Негідник, розбійник, грабіжник.
- ²⁴ Насильник, злочинець.